

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Болтушки
Часть III

Прошлую лекцию мы закончили тезисом Пинкера о том, что дети изобретают язык в возрасте от нуля от трех-четырёх лет. И здесь с Пинкером нельзя не согласиться. Однако следующий аргумент, который он приводит для доказательства теории инстинктивной природы языка, конечно вызывает серьезные сомнения.

Когда Пинкер говорит о том, что необыкновенный случай языкового творчества у детей не требует необыкновенных обстоятельств, таких как глухота или «вавилонское столпотворение» на плантациях в Соединенных Штатах Америки в историческом прошлом, он намекает на то, что в этом лежит лингвистический гений любого здорового ребенка. Обучают своих детей языку. Здесь с этим согласиться нельзя, потому что далее в тексте книги он и сам себе противоречит, говоря об особой роли материнского языка. Он подразумевает значение не «родной язык», а именно язык матери.

Когда мама лопочет со своим младенцем, повторяет одно слово, демонстрируя предмет, именно в этот момент и происходит связь какого-то конкретного понятия с образом, который у ребенка прочно ассоциируется со звучащим словом. Это важнейший элемент обучения языку, который Пинкер упоминает вскользь, говоря, что это не главное. А это, безусловно, главное. Если у ребенка соотнесение образа предмета со звуковым образом происходит в пространстве другого языка, то он будет считать родным языком матери тот язык, который он услышал впервые.

Но Пинкер акцентирует внимание на том, что мать, разговаривая с младенцем на ее языке, не дает ему уроки грамматики. Она просто закладывает основу языка, лексическую базу, словарный запас, который в казахстанском обществе испытывает серьезные проблемы. Словарный запас казахского языка составляет несколько миллионов слов, больше чем какой-либо другой. Но мы современные, образованные, не владем и десятой частью этого культурного богатства.

Давайте возьмем названия животных в русском языке. Бык, корова, теленок. Конь, лошадь, жеребенок.

Далее нюансы и смысловая дифференциация в русском языке передаются морфологическим путем, путем аффиксации. Конь, конек, коняшка, конюшка, лошадь, лошадка, жеребёнок, жеребец и так далее.

В казахском языке ат – общее название. Если это бык-производитель, то айгыр. Если это жеребая кобыла, то бия. Если еще не жеребая кобыла – байтал. Жеребенок мужского рода – кулун. Кулун, кулуншак, кулан, кунан, дунен, жабаган – это все степени возрастной дифференциации.

Я не знаю примеры в другом языке, где было бы такое разнообразие. Возьмите слова лев-львица-львенок. В казахском языке лев – арыстан, львица – каншар, львенок – маулен. Медведь – аю, медведица – кенеке, медвежонок – конжик. Видите, какая огромная лексическая база, какой словарный потенциал казахского языка?

Мы утратили традицию читать детям книжки в сенситивный период (до 6-7 лет), показывать им животных. Почему в казахской традиционной культуре детей воспитывают деды, аташки? Потому что у них было время гулять с внуками, водить их по родной степи и знакомить с каждой травинкой. Это очень важно, но мы перестали обращать на это внимание, думая, что детей научат в школе. Этому в школе не научат. Если только на улице.

Кстати, Пинкер говорит о том, что дети овладевают новыми словами и грамматическими структурами, взаимодействуя друг с другом. Но ведь у нас и улицы сейчас не казахоязычные. Забавно смотреть на наших апашек, ратующих за развитие казахского языка, но обращающихся к своим детям и внукам на русском, как будто это дети-иностранцы.

Это серьезная проблема. Пинкер говорит, что она характерна для тех народов, которые находятся в зависимости, утрачивают дух своей культурной самодостаточности.

При этом Пинкер говорит, что обучать детей языку совершенно не обязательно. И он приводит весьма спорный факт. Пинкер пишет, что мы не обучаем детей ходить. Они сами встают и идут, потому что у них есть инстинкт прямохождения. Он говорит, что в пустыне Казахари младенцев учат сидеть, усаживая в песок. Я работал в Африке и неплохо знаю ее, но такого не слышал. Думаю, матери так удобнее смотреть за ребенком, когда она занята собственными делами, а ее чадо сидит в сухом, чистом, теплом песке. Тут я с Пинкером не могу согласиться.

Так же как не могу согласиться с его мнением, что освоение детьми языка – это их собственная заслуга. Если бы это было так, то любой ребенок, действительно, овладевал бы языком самостоятельно, без помощи родителей. Но мы знаем о тех детях, которые выросли вне социума и совершенно не умели говорить. Мы знаем факты о Маугли, то есть дети, которые выросли вне социума.

Это Киплинг написал о Маугли, мальчике, воспитанном волками, который говорил по-человечьи. Но это всего лишь художественный вымысел. В истории немало случаев, когда дети жили в изоляции, не слыша речь до 5-6 лет. Эти люди потеряны для общества. В Британии, Франции, США были попытки научить этих детей говорить, но они ни к чему не привели. Пинкер замечает эти факты под ковер.

Вместо того он ссылается на Хомского, который заключил, что дети всецело постигают языковую логику. И в первый же раз, когда им встретится предложение с двумя вспомогательными глаголами, они способны переделать его в вопрос с правильным порядком слов. Для Хомского такой вид аргументации, который он называет доказательством, исходящим из исходных данных, самое важное подтверждение того, что знание базовой модели языка является врожденными. На этой фразе я хотел бы заострить внимание слушателей. Что значит с методологической точки зрения «доказательство, исходящее из недостаточных исходных данных»? То есть, это утверждение не подтверждено эмпирическими фактами, не более чем гипотеза. Хомский мудрее и осмотрительнее относится к наблюдениям, которые он делает.

Если есть инстинкт языка, то, во-первых, есть и инстинктивная потребность усваивать язык, говорить на языке. Потому что детей никто не заставляет говорить правильно. А во-вторых, может быть инстинктивное чувство грамматики. Но это тоже спорный тезис. То есть, дети инстинктивно способны заполнять грамматические пробелы. Они понимают и чувствуют логику языка, на котором говорят их родители.

Вот это другое дело, но это не говорит о том, что дети каждый раз сами изобретают язык. Однако полезно знать, как Пинкер делает переход от этого тезиса, к тезису о том, что в уме содержатся заготовки для грамматических правил. Например, в английском языке глагол в третьем лице единственного числа должен заканчиваться на букву S. И эта S редуцирована в ходе развития языка. Пинкер говорит, что даже если дети сначала не могут произносить эту букву, через некоторое время они стараются, прилагают усилия, чтобы произносить этот звук. Зачем им это нужно? Пинкер считает, что так работает язык. Вся эта титаническая работа ребенка необходима лишь для того, что бы использовать суффикс, раз уж он был усвоен. А чтобы усвоить его, ребенок, во-первых, должен понять, что в одних предложениях глаголы заканчиваются на S, но остаются без окончания в других предложениях.

Второе, что нужно сделать, начать поиск грамматических причин, вызывающих эту разницу. Или как вариант просто принять эту изюминку к сведению.

В-третьих, не успокаиваться пока основополагающие факторы – время, вид, лицо и число подлежащего в предложении – не будут извлечены из океана всех возможных, но не играющих роли в данном случае факторов.

К чему затрачивать столько усилий в возрасте трех лет? Исследования показывают, суффикс согласования S использует более 90% детей этого возраста в тех случаях, когда он нужен и что практически никто из сверстников не использует его, когда он запрещен. Овладение этим мастерством является частью «грамматического взрыва», периода в несколько месяцев на третьем году жизни. На протяжении которого, ребенок вдруг свободно начинает строить развернутые предложения, говорить фразами. Вот это очень интересно.

Но от меня ускользает логика в аргументации Пинкера, где он противоречит сам себе. Здесь Пинкер придерживается чисто физиологической аргументации. Он приводит обширный материал и довольно яркие примеры из области нейрофизиологии.

И задается вопросом, если эта способность детей находится в их сознании, вдруг вспыхивая с определенного возраста, говорит ли это о том, что это связано с физическим развитием мозга. То есть, где-то в коре головного мозга накапливается достаточно нейронов, чтобы они начали функционировать и подавать правленный сигнал.

И это действительно так. В середине XX века нейрофизиологами были открыты такие зоны восприятия речи. Это зона Брока, благодаря которой ребенок способен воспринимать речь.

Зона Брока находится в задней части левого переднего полушария, за височной частью. И еще одна зона, которая отвечает за формирование речи – зона Вернике.

При поражении этих зон человек перестает правильно воспринимать речь. При афазии Брока человек слышит речь, воспринимает ее, но отреагировать на нее адекватным образом он не может, говорит совершенно о другом. Пинкер приводит в книге удивительные факты. Например, когда женщина с афазией Брока, не может придумать множественное число к конкретному слову. Она воспринимает, но она не может сделать грамматическую связку. Как бы мы говорили в русском языке множественное число слова «кочерга»? Попробуйте сказать это в родительном падеже. Нет чего? Кочерег, кочергов или кочергей. Просто в русском языке нет этой формы.

Человек с афазией Брока просто не в состоянии выстроить сложную грамматическую конструкцию, если для него это слово ново. Все остальные умственные функции при афазии Брока сохраняются на высоком уровне. Больше того, Пинкер говорит о том, что он наблюдал этот эффект у детей с умственными отклонениями, у аутистов и у пациентов с шизофренией, идиотией, легкой формой имбецилии.

При некоторых этих отклонениях люди совершенно не способны воспринимать и реагировать на многие вещи, но речь у них удивительно правильная. Зона Брока у них работает адекватно.

Пинкер приводит много примеров, когда высокоинтеллектуальные люди решают сложнейшие математические задачи, проводят физические опыты, снимают фильмы и прекрасно пишут, совершенно не умеют правильно выстраивать речь. Этот аргумент Пинкер считает достаточным для того, чтобы признать язык явлением инстинктивного порядка. Но я думаю, что для многих ученых, особенно выросших в другой научной школе, этих аргументов недостаточно. И для меня в том числе. Мы можем говорить о врожденном инстинкте стремления овладеть речью, но это не значит, что язык уже существует в нас как инстинкт.